

УДК 808.1; 82.08
ББК Ш5(2Рос=Рус)

М.А. Галиева

**РАССКАЗ А.П. ЧЕХОВА
«ВАНЬКА»:
ОБОРОТНОСТЬ МИРА.
ВОПРОС
О ФОЛЬКЛОРНОЙ
ТРАДИЦИИ**

Статья посвящена изучению функционирования фольклорной традиции в поэтике А.П. Чехова. Объектом исследования выступает «хрестоматийный» рассказ «Ванька». Исследователи уделяли большое внимание мотивной структуре произведения, связанной с рождественской символикой, но обошли стороной фольклорный элемент, который присутствует в рассказе латентно. Архетип окна, письмо «в никуда» и сон героя потенциально связаны с переходной обрядностью и поиском «неведомой земли», характерным для национальной аксиологии. Подтверждением этому выступает и лексема «смерть» и связанные с нею глагольные формы. Таким образом, чеховский фольклоризм носит не «регистрирующий» характер, а имплицитный.

Ключевые слова: *фольклор, литература, Чехов, «иное царство», архетип.*

DOI 10.18522/1995-0640-2016-1-51-55

Галиева Марианна Андреевна – аспирант кафедры Истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
Тел.: +7 (495) 939-26-42; 8-919-777-21-86
E-mail: marianna.galieva@yandex.ru; ruslitxx@philol.msu.ru

© Галиева М.А., 2016.

Под оборотностью мира можно понимать его двуприродность, «понятность» и «непонятность» одновременно. В гуманитарной науке, в фольклористике оборотностью характеризуется онный мир: иное царство волшебной сказки, заговорные формулы отрицания [Толстая, с. 345], формулы невозможного и невероятного в магической поэзии и т.д. Поиск неведомой земли аксиологически значим для русского человека. В начале XX в. русский философ Е.Н. Трубецкой в лекциях, прочитанных в кругу Московского общества памяти Вл. Соловьева, рассмотрел поэтику волшебной сказки сквозь призму влекомости неведомой землей, т.е. «иным царством» [Трубецкой]. По мнению философа, именно этот жертвенный акт позволяет выйти человеку из повседневного и посредственного: «Одни удовлетворяют потребности в “новой земле” естественными житейскими способами. Другие, напротив, преисполняются отвращением ко всему обыденному, житейскому и испытывают непреодолимое влечение к чудесному» [Трубецкой, с. 17]. Здесь стоит вспомнить и о другом жанре фольклора, жанре обмираний, в котором наблюдается временный переход на «тот свет» – посредством обморочного состояния, летаргического сна. Значит, в фольклорной эстетике свободно обнаруживается это состояние порога, или лиминальное состояние. Оно характеризуется набором архетипических ситуаций и символов; одним из таких выступает окно.

По славянским представлениям, души умерших прилетали не-

видно, неслышно – через окно: «<...> душа только что умершего, выйдя из тела, может стоять у окна (з.-полес.) или сразу через окно покидает дом (с.-рус., кашуб.)» [Никитина, с. 15]. Окно представляет собою границу между тем и этим. Однако с пограничными ситуациями потенциально связаны не только элементы переходной обрядности (окно, лодка, сани и т.д.), но и некоторые персонажи фольклора задают «пограничный» ритуальный тон: сироты, калеки, хромые, косые, старые люди и т.д. [Неклюдов].

После некоторого фольклористического комментария, обзора формул онного мира, характеризующих фольклорное сознание, обратимся к хрестоматийному чеховскому рассказу позднего периода «Ванька». Само произведение кажется достаточно простым и от того включенным во все школьные программы и ушедшего, и нового века. Однако эта хрестоматийность и очевидная чистота жанра (перед нами рождественский рассказ), по меткому наблюдению И.А. Есаулова, и затемняют подлинный архетипический смысл [Есаулов]. Исследователи определили это произведение как рождественский рассказ, что вполне справедливо. Отмечалось осложнение рождественской тематики психологизмом; выявлялись религиозные онтологические смыслы, создаваемые аксиологическими символами и жестами. Так, за последними Есаулов видит выстраивание внутреннего мистического сюжета: окно и поза мальчика, принятая во время написания письма деду (Ванька стоит на коленях), являются некими особыми сигналами в произведении, указывающими на создание художественного космоса и возможность чуда. Однако онтологический архетипический смысл создается не только этим.

Во-первых, отметим, что героем рассказа является Ванька – мальчик девяти лет, сирота: «Нет у меня ни отца, ни маменьки, только ты у меня один остался» [Чехов, с. 478]. Представляется важным, что в рассказе несколько раз подчеркивается, что Ванька сирота – и самим мальчиком, и автором. Сирота – существо лиминальное, связанное с тем светом. Ванька, заметим, ощущает себя именно таковым, неслучайно одна из основных мотивных структур задается лексемой «смерть», глагольными формами с ней связанными: «Подмастерья надо мной насмеваются, посылают в кабак за водкой и велят красть у хозяев огурцы, а хозяин бьет чем попадая» [Там же, с. 479]; «Кланяюсь тебе в ножки и буду вечно бога молить, увези меня отсюда, а то помру...» [Там же, с. 479]; «Дедушка милый, нету никакой возможности, просто смерть одна» [Там же, с. 480].

Во-вторых, герой предчувствует свою гибель, его духовное зрение обостряется: он смотрит в окно и как бы видит в нем дедушку: «Ванька перевел глаза на темное окно, в котором мелькало отражение его свечи, и живо вообразил себе своего деда Константина Макарьча, служащего ночным сторожем у господ Живаревых» [Там же, с. 478]. В этом отношении прав Есаулов, указывающий на особые функции заоконного пространства. Пусть в письме мальчика нарушена логика (он обращается к дедушке то на «вы», то на «ты»; пишет о том, что кормят, а потом о том, что нет еды), но в этом видится не детское сознание, а окольная речь,

т. е. путаница, не требующая в ритуальном смысле разъяснений. Письмо написано хаотично, но в нем есть основная идея – попасть туда, где дедушка. А жив ли дедушка, а ждут ли его там? Здесь начинается ряд формальных вопросов, не требующих по существу ответов. Важен сам факт написания письма. Куда? В никуда. При этом Ванька нам не кажется сумасшедшим или жалким, не кажется он и героем, который лишен чуда, своего сакрального часа. Некоторые исследователи видят в непосещении героем заутрени выпадение его из мистического священного пространства. Однако само письмо «на деревню дедушке», т. е. «в никуда», письмо без адреса потенциально связано с моделью предела, края, неведомой землей. Важно и то, что у Ваньки, сироты, остался именно один дедушка – человек старый; о нем почти ничего и не сказано. Да, смешливый, любит подшутить, табак закрутить, с прислугой посидеть – и все. Этот незримый дедушка также потенциально связан с «тем миром». Наконец, представляется архетипически важным то, что рассказ при внешней законченности не завершен: Ванька засыпает и видит деда. И во сне мальчика актуальна, в ритуальном контексте, еще одна деталь. Дедушка сидит на печи: «Убаюканный сладкими надеждами, он час спустя крепко спал... Ему снилась печка. На печи сидит дед, свесив босые ноги, и читает письмо кухаркам... Около печи ходит Вьюн и вертит хвостом...» [Чехов, с. 481].

В фольклоре, в погребальной обрядности души умерших появлялись в полной тишине, когда желающий связаться с ними или сидел на печи, или стоял у окна: «желающий их увидеть должен сидеть на печи, целый день ничего не есть и соблюдать молчание – подобные практики применялись в разных частях славянского мира для того, чтобы вступить в контакт с “иным” миром <...>» [Народная демонология, с. 157]. Таким образом, можно поставить вопрос о латентной фольклорной традиции и обрядовой реальности в поэтике Чехова. Ритуальными маркерами выступают: окно, письмо «в никуда», без физического адреса, но имажинативно значимое (Ванька четко представлял себе деда и картины прошлых лет), ощущение порога (мальчика забивали и, вероятно, забьют) и полусон героя, который носит характер предвидения, вероятно, важного уже не физически, а метафизически. В этом чеховском рассказе за мнимой простотой сокрыта философия жизни – смерти, ощущение метафизического, непроницаемого для посредственного, «бытового» глаза, но доступного человеку незамутненного ума, каким является Ванька. Он сирота, ребенок – человек порога, еще умеющий видеть «другое», а не запутавшийся человек с нарушенной логикой.

Литература

Есаулов И.А. «Ванька» А.П. Чехова как рассказ о рождественском чуде [Электронный ресурс]. // <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2544> (дата обращения: 10 дек. 2015).

Народная демонология Полесья: Публикации текстов в записях 80 – 90-х гг. Т. 2: Демонологизация умерших людей. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012.

Неклюдов С.Ю. Образы потустороннего мира в народных верованиях и традиционной словесности [Электронный ресурс]. // <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov8.htm> (дата обращения: 10 дек. 2015).

Никитина А.В. Свечи в обрядах смерти // Никитина А.В. Свеча в обрядах перехода. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008.

Толстая С.М. Магические функции отрицания в сакральных текстах // Толстая С.М. Образ мира в тексте и ритуале. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015.

Трубецкой Е.Н. Подъем в «иное царство» и дальний путь в запредельное // Трубецкой Е.Н. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке. М.: Тип. Боровинско-Волдайского Кустарного и Сельско-Хозяйств. Союзного Т-ва., 1922.

Чехов А.П. Ванька // Чехов А.П. Полн. собр. соч.: в 30 т. М.: Наука, 1976. Т. 5.

References

Esaulov I.A. «Van'ka» AP. Chekhova kak rasskaz o rozhdestvenskom chude [Elektronnyi resurs]. // <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2544> (data obrashcheniya: 10 dek. 2015).

Narodnaya demonologiya Poles'ya: Publikatsii tekстов v zapisyakh 80 – 90-kh gg. T.2: Demonologizatsiya umershih lyudei. M.: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi, 2012. 800 s.

Neklyudov S.Yu. Obrazy potustoronnego mira v narodnykh verovaniyakh i traditsionnoi slovesnosti [Elektronnyi resurs]. // <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov8.htm> (data obrashcheniya: 10.12. 2015).

Nikitina A.V. Svechi v obryadakh smerti // Nikitina A.V. Svecha v obryadakh perekhoda. SPb.: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2008. S. 7 – 36.

Tolstaya S.M. Magicheskie funktsii otritsaniya v sakral'nykh tekstakh // Tolstaya S.M. Obraz mira v tekste i rituale. M.: Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke, 2015. S. 343 – 348.

Trubetskoi E.N. Pod'em v «inoe tsarstvo» i dal'nii put' v zapredel'noe // Trubetskoi E.N. «Inoe tsarstvo» i ego iskateli v russkoi narodnoi skazke. M.: Tip. Borovinsko-Voldaiskogo Kustarnogo i Sel'sko-Khozyaistv. Soyuznogo T-va., 1922. S. 17 – 24.

Chekhov A.P. Van'ka // Chekhov A.P. Poln. sobr. soch.: v 30 t. M.: Nauka, 1976. T. 5. S. 478 – 481.

Galieva M.A. (Moscow, Russian Federation)

A.P. Chekhov's story «Van'ka»: the other side of the world. Issue on folklore tradition

The paper considers the chrestomathy work of Russian literature – the story by A.P. Chekhov «Van'ka». On the one hand the story preserves the definition of «Christmas». Attention was drawn to the festival motive itself for the events that occurred in the sacred ritual hour. On the other hand, the archetypal patterns that are organically included in the poetics of narrative, require a certain folklore comment. So, archetypal window hides

transitional ritual, switching the reader's eye to the domestic space into existential, Otherworldly. Also the fact of writing the letter «to nowhere», the problem lies drawn by the Russian people, «limit», an unknown land that genetically traced back to folk aesthetics, poetics of the fairy tale. The question of Chekhov's folklorism is debatable, but it is worth noting that the folk tradition in poetics can manifest itself both overtly and latently. The most important are the forms of «hidden» folklorism, since they are organically integrated into the artistic fabric of the work.

Key words: *folklore, literature, Chekhov, "another kingdom", archetype.*

Galieva Marianna Andreevna – post-graduate student of history of the newest Russian literature and modern literal process of philology faculty of Moscow State University of M.V. Lomonosov. Phone: +7 (495) 939-26-42; 8-919-777-21-86

E-mail: marianna.galieva@yandex.ru; ruslitxx@philol.msu.ru